

ном на полевых материалах, показал, что в общинной жизни, торговых отношениях, совместной работе сельского населения северо-восточной Литвы еще в первой половине XX в. сохранялись многие элементы обычного права, связанные с частным хозяйством крестьян.

На заключительном пленарном заседании выступили руководители секциями В. Миллюс и А. Вишняускайте, отметившие, что секционная работа способствовала оживлению дискуссий и тем самым более плодотворной работе конференции. В заключение В. Моркунас отметил, что прошедшая конференция свидетельствует об активной научно-исследовательской и экспедиционной работе в республике в области этнографии.

Я. Ланяускайте-Моркунене, Й. Мардоса

ЧЕТВЕРТЫЕ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На состоявшихся 14 и 15 апреля 1982 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР Четвертых Маклаевских чтениях получили продолжение и дальнейшее развитие темы, звучавшие на заседаниях прошлых лет. Это биография Н. Н. Миклухо-Маклая, его научные и общественные связи, обстановка, в которой проходила его деятельность, судьба и значение его научного наследия, а также проблемы этнографии народов бассейнов Тихого и Индийского океанов. Помимо ленинградских исследователей, в чтениях участвовали ученые из Москвы и Минска.

В докладе Б. Н. Комиссарова (ЛГУ) был рассмотрен вопрос о том, почему Н. Н. Миклухо-Маклай был вынужден в 1864 г. оставить Петербургский университет. Изучив документы, регламентировавшие в 60-х годах XIX в. жизнь университета, докладчик пришел к выводу, что распространенное в литературе представление об исключении Н. Н. Миклухо-Маклая из университета без права поступать в другие университеты России неверно. Н. Н. Миклухо-Маклай был вольнослушателем, а единственной санкцией против этой категории посетителей лекций было запрещение являться в университет. В Ленинградском государственном историческом архиве Б. Н. Комиссаров нашел документы о том, что 14—15 февраля 1864 г. Н. Н. Миклухо-Маклай принял участие в студенческих волнениях, поводом к которым послужило публичное обвинение вольнослушателем физико-математического факультета Карамышевым студента юридического факультета Новопапенного в том, что он во время студенческого движения 1861 г. был секретным агентом полиции. Воспользовавшись тем, что Миклухо-Маклай вопреки запрету привел на лекцию «постороннее лицо» (одного из своих друзей), администрация университета удалила из его стен будущего выдающегося исследователя.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) в докладе «Н. Н. Миклухо-Маклай и Д. Н. Анучин», рассказав о встречах этих двух ученых в 1870—1886 гг., уделил основное внимание истории изучения и подготовки к печати Д. Н. Анучиным научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в 1895—1923 гг. В докладе прослежена эволюция публикаторской программы Д. Н. Анучина, освещены причины того, почему первый том «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая удалось издать лишь в 1923 г., в год смерти публикатора. По некоторым данным, Д. Н. Анучин в последние годы жизни в основном подготовил к печати и второй том, но судьба этой рукописи пока неизвестна. Поиски затрудняет то обстоятельство, что материалы личного архива Д. Н. Анучина (вопреки его завещанию, предусматривавшему их сосредоточение в Государственном историческом музее) рассеяны по многим архивохранилищам Москвы и Ленинграда. В докладе были широко использованы материалы, обнаруженные Д. Д. Тумаркиным в московских архивах.

Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии, Ленинград), изложив некоторые результаты текстологического анализа сохранившихся рукописей новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая, остановился на актуальных источниковедческих проблемах, связанных с ними. Анализ позволил определить те рукописи, которые безусловно входили в подготовленный ученым первый том сочинений — это обработанные им полевые записи и записные книжки. Тексты представляют собой переписанные под диктовку и затем поправленные автором рукописи, которые, согласно его последней воле, и должны были издаваться с минимальными редакторскими поправками. В основу же печатных изданий дневников были положены другие рукописи — копии с первых, изобиловавшие поздней произвольной и необоснованной редакторской правкой. Их можно использо-

вать — в случае отсутствия соответствующих авторизованных текстов — лишь после полного и тщательного устранения многослойной правки. Большой интерес вызывают сохранившиеся полевые дневники и записные книжки, не включенные Н. Н. Миклухо-Маклаем в подготовленный к печати текст. Особенно важны заметки, относящиеся ко второму пребыванию на Берегу Маклая (1876—1877 гг.), ибо они позволяют восстановить ряд фактов, оставшихся неизвестными биографам. Изучив документы, автор высказал обоснованное предположение, что Маргарита Миклухо-Маклай не сожгла путевых дневников мужа через несколько дней после его смерти, что, в частности, дневник 1871—1872 гг., наиболее ценный и интересный, был передан в Географическое общество вместе с другими бумагами ученого.

Цель сообщения А. Н. Анфертьева (Ин-т этнографии, Ленинград) состояла в том, чтобы показать — под углом зрения, обусловленным подготовкой нового Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, — какое значение имеют итальянские источники для исследования жизни и деятельности выдающегося ученого. Эти источники, главным образом журнал «Космос» за 1873—1876 гг., были использованы докладчиком для выверки реально-исторического комментария и решения некоторых текстологических проблем. Большой объем переписки Н. Н. Миклухо-Маклая с итальянскими друзьями и коллегами позволяет надеяться на обнаружение в будущем новых текстов (преимущественно писем), принадлежащих его перу. Попутно были даны характеристики тех итальянских ученых, с которыми находился в контакте Н. Н. Миклухо-Маклай (О. Беккари, Л. М. Д'Альбертис, Дж. Дориа, Э. Джильоли и др.).

Доклад Е. В. Ревуненковой (Ин-т этнографии, Ленинград) был посвящен рассмотрению этнографических, антропологических и лингвистических материалов, собранных Н. Н. Миклухо-Маклаем во время двух путешествий по Малаккскому полуострову (1874—1875 гг.). Докладчица проанализировала эти материалы с точки зрения науки того времени и современных знаний о племенах внутренних районов Малакки. Н. Н. Миклухо-Маклай первым из европейцев побывал у ряда племен, и ценность собранных им материалов, особенно по языкам, признанная еще при жизни ученого, не утрачена и по сей день. Эти данные активно используются современными исследователями аборигенного населения Малайзии. Значительный интерес представляет пока малоизученный полевой дневник ученого, где приводится множество сведений о жизни негритосских и протомалайских племен Малаккского полуострова. Это важный источник знаний о народах внутренних районов Малакки.

Материалы о восточноиндонезийских языках, содержащиеся в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, легли в основу сообщения М. А. Членова (Ин-т этнографии, Москва). Как известно, Восточная Индонезия не находилась в центре научных интересов исследователя. Однако в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая имеются небольшие словники, составленные им во время краткого посещения Молуккских островов по пути на Новую Гвинею. Наиболее интересны словник из 45 слов одного из диалектов ватубельского языка и словник, содержащий около 120 слов гессерского языка. Ценность этих материалов особенно велика в связи с тем, что никаких дополнительных материалов по названному языку в XX в. не публиковалось. Не потеряли научной значимости и материалы Н. Н. Миклухо-Маклая по языкам Папуа-Ковиай.

Основываясь на австралийской, американской и английской литературе справочного характера, а также на учебниках, предназначенных для школ Австралии и Папуа Новой Гвинеи, А. Я. Массов (Ленингр. Кораблестроительный ин-т) попытался выяснить, как представляют себе деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая современные западные авторы, освещающие историю австралийской и немецкой колониальной экспансии на Новой Гвинее, какова степень их осведомленности о значении его исследований для изучения народов этого острова. Как сообщил докладчик, в рассмотренной им литературе заметна недооценка трудов русского ученого; некоторые авторы не видят их уникальности, недостаточно знакомы с биографией Н. Н. Миклухо-Маклая, его прогрессивной общественной деятельностью. Отсюда проистекают легенды об аристократизме ученого, домыслы о связи его исследований с возможной колонизацией Новой Гвинеи Россией.

Исследование А. К. Оглоблиным (ЛГУ) названий стран света в индонезийских языках позволило сделать ряд интересных выводов. Как установил докладчик, исходные значения терминов стран света в этих языках связаны с суточным движением или видимостью небесных тел, с компонентами ландшафта (особенно «море» и «внутренние районы»), атмосферными явлениями (ветры, дождь). Часть терминов стран света возводится к праавстронезийскому уровню, причем одни исходные значения выступают

только как этимоны, а другие образуют полисемию со значением термина. Сезонно-климатическими различиями ареалов обитания разных этносов обусловлены неодинаковые значения терминов, относящихся к одним и тем же праавстронезийским корням. Существует тенденция к ликвидации полисемии «море» — «значение термина стран света» у тех индонезийских народов, которые традиционно связаны с мореплаванием. Ландшафтные термины стран света могут указывать на исконную этническую территорию (у малайцев Суматры, например, полисемия «море» — «север» и «внутренние районы» — «юг», где «море» — Малаккский пролив, а «внутренние районы» — районы Суматры. Замена терминов новообразованиями и заимствованными словами также может быть увязана с фактами этнической истории.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии, Ленинград) в докладе «Кормление, родство, инцест» показал, что в условиях общинно-родового строя под родством понималось не родство по крови (такое понимание, характерное для европейцев, появилось лишь в античности), а родство по кормлению. Такое родство мыслилось как результат кормления зародыша, вошедшего в тело женщины, например из «камня дотских душ» (Австралия); и как результат кормления ребенка, и как результат совместной еды взрослых людей (например, родство *нгама* у папуасов племени бонгу). Соответственно этому инцест трактуется как «поедание» (зародышем) «самой плохой пищи» (Меланезия). Докладчик указал, что люди, живущие общинно-родовым строем, различают два вида инцеста: связь с женщиной-родичем и связь с женой родича, при этом второй вид инцеста, «заглядывание в соседнюю хижину» (Самоа), наказывается менее строго.

Некоторые «темные» места в истории о. Пасхи удалось убедительно интерпретировать И. К. Федоровой (Ин-т этнографии, Ленинград) на основе манускриптов, обнаруженных на этом острове около 30 лет назад. Анализ текстов, записанных латиницей самими рапануэцами, показывает, как складывались разные версии легенд и преданий, как появились в рапануэском фольклоре новые герои и персонажи. В текстах имеются также сведения, разъясняющие отдельные непонятные эпизоды в истории острова. Ответы на вопрос, откуда именно прибыли предки рапануэцев, записи в манускриптах не дают, однако этнографические элементы указывают на значительный мангаревский компонент в рапануэской культуре, что говорит о существовании в прошлом особо тесных контактов рапануэцев с жителями о. Мангарева.

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии, Москва) затронул некоторые аспекты духовной культуры полинезийцев, обратившись к вопросу о борьбе между сакральной и светской властью в Восточной и Западной Полинезии. Восточная Полинезия представляется более сакральной, Западная — более секулярной. Автор выдвинул гипотезу о том, что представления о священном острове служат антитезой представлениям об острове мертвых, являясь отражением в сфере идеологии борьбы светских вождей и жрецов.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии, Ленинград) в докладе «Аталычество на острове Тимор» попыталась выяснить механизм этого явления, отмеченного у многих народов мира, на материале одной из деревень народа атони. В практике передачи детей на воспитание участвовало в 1960-е годы более 60% семей деревни. Детей давали только определенным категориям классификационных родственников (родителям родителей, сестрам отца, сестрам матери). Передача детей на воспитание не влекла особых обрядов, как усыновление и т. п., но была призвана возместить утраченные формализованные связи между взрослыми поколениями, родственниками, живущими в разных деревнях (братьями отца). Не являясь аталычеством в привычном смысле, этот обычай оказывается возможным при групповых формах родства, характерных для распада родового общества и перехода к соседской территориальной общине, при установлении патрилинейности. Пережитки материнской филиации сказываются на бытовании данного обычая у атони Тимора.

В докладе М. В. Станюкович (Ин-т этнографии, Ленинград) «Сакральные элементы в худухах ифугао» рассматривались некоторые мифологические представления, отраженные в женской эпической традиции одного из горных районов Филиппин. Обнаруживается соотносительность определенных видов птиц (ворон, веерохвостая мухоловка) с мифологическими существами и музыкальными инструментами (например, арфой). Более сложный семантический ряд прослеживается для ритуального музыкального инструмента — бамбуковой трещотки: она связана одновременно с птицами и собаками, причем посредником в этой связи служит герой мифологического эпоса, выступающий в виде человека-крылана («летучей собаки»).

М. Ф. Чигринский (ВГО) посвятил свой доклад похоронному обряду у тайванского племени ями. Приведя многочисленные данные о представлениях ями о душе и умерших, докладчик рассказал о похоронном ритуале, типах похорон и погребений в зависимости от социального положения покойника и причины смерти, о видах табуации в этот период.

Продолжая изучение дневников Е. Е. Левенштерна, сопровождавшего И. Ф. Крузенштерна во время первого русского кругосветного плавания на «Надежде», Б. Н. Комиссаров (ЛГУ) и Т. К. Шафрановская (Ин-т этнографии, Ленинград) ознакомили аудиторию с записями этого путешественника об айнах. Наблюдая айнов в апреле — мае 1805 г., Левенштерн описал их внешний вид, род занятий, утварь, одежду, татуировку, обычай держать в жилищах молодых медведей, отметил добродушие айнов о. Хоккайдо как основную черту их характера. Есть описания занятий, летних жилищ, лодок, оружия айнов о. Сахалина. Сохранилось более 10 рисунков по этой тематике, выполненных карандашом и акварелью. Подробность и точность записей Е. Е. Левенштерна, установленная путем сравнения его дневников с сообщениями других путешественников конца XVIII — начала XIX в., оригинальность его рисунков позволяют считать эти забытые материалы одним из источников для изучения жизни айнов в начале прошлого столетия.

Росту интереса русского общества к Австралии в середине XIX в. было посвящено сообщение Е. В. Говор (Политехнический ин-т, Минск). В 50—60-е годы начинается постепенный переход от описательных материалов к анализу фактов и явлений далекой страны, продолжается дифференциация русской австралиаки по читательскому назначению (научная, научно-популярная, детская и пр.). Актуальные для русской печати темы отражаются в интерпретации австралийских материалов (крестьянский и национальный вопрос; размышления о ценности человеческой личности и «маленьком человеке» — и истребление австралийских аборигенов), авторы статей по экономике Австралии проводят параллели с русским обществом. В этот период продолжают также публиковаться материалы географического характера, путевые заметки; появляются произведения австралийских писателей и переводные романы, действие которых разворачивается в Австралии.

Источниковедческий характер имело также сообщение А. Д. Дридзо (Ин-т этнографии, Ленинград), который рассказал с найденном им описании путешествия по Новой Зеландии, совершенном в 1904 г. И. Ф. Синицим. Это описание содержит интересный материал о культуре и быте населения страны. Автор — революционный эмигрант из России — особый интерес проявил к положению рабочего класса Новой Зеландии. Книга И. Ф. Синицкого «Новая Зеландия — Европа» была подготовлена к печати, но не увидела света, так как автору пришлось вновь эмигрировать.

Н. З. Климова (Ин-т этнографии, Ленинград) рассказала об этнографических коллекциях экспедиций Дж. Кука в собраниях МАЭ и зарубежных музеев. В докладе были высказаны предположения о возможных собирателях, месте и времени формирования коллекций, хранящихся в МАЭ, подробно описаны наиболее уникальные предметы. Сопоставив коллекцию МАЭ, собранную во время третьей экспедиции Кука, с аналогичными зарубежными коллекциями, Н. З. Климова подчеркнула ее огромную научную ценность.

Всего было заслушано 18 докладов, по ряду из них состоялись плодотворные дискуссии. Поднимался вопрос о публикации докладов, заслушанных на чтениях.

В дни работы конференции были проведены также заседания проблемной группы Института этнографии АН СССР по изучению и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. На них обсуждался ход подготовки нового Собрания сочинений ученого-гуманиста.

Следующие Маклаевские чтения состоятся в апреле 1983 г.

Е. С. Соболева